

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

11 класс

Уважаемый участник олимпиады! Вам предстоит выполнить два задания олимпиады. Время выполнения заданий – 270 минут (академических часов – 6). Каждое задание выполняется на отдельном бланке/странице тетради.

Максимальный балл – **80**. Успехов!

Задание № 1, аналитическое (60 баллов)

Выполните аналитическое задание, выбрав один из предложенных текстов (поэтический или прозаический).

Вариант 1. Выполните целостный анализ стихотворения **Л.Н. Мартынова «Мать математика»**, обращая внимание на следующие аспекты: Смысл заглавия стихотворения? В чем ритмико-композиционные особенности стихотворения и как они определяют его содержание? Стихотворный размер? Ведущая тема стихотворения? Предложенные направления не являются обязательными, вы можете выбрать собственный путь анализа, но ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Леонид Николаевич Мартынов (1905-190) – русский поэт, журналист, переводчик. Его поэзия носит философский, знаково-символический характер.

МАТЬ МАТЕМАТИКА

Где она –

Грань между прозой, поэзией,

Точной наукой?

Поди её выяви,

Грань эту, часто неясную.

В новой

Маленькой, тоненькой, изданной в Киеве

Книжечке о бионике –

В. Долятовского с Инной Пономарёвой -

Вот что рассказано:

«Мать известного математика К. Гаусса видела невооружённым глазом фазы Венеры и некоторые спутники Юпитера»

То есть:

Мать

Математика

К. Гаусса

Видела

Невооружённым глазом

Фазы

Венеры

И некоторые

Спутники Юпитера.

Это не фраза

Из прозаического рассказа,

Это - поэзия!
Стиль определяет тематика.
Вслушайтесь:
Мать
Математика
Гаусса...
Но не повторять же сначала всё!
Видите:
Мать
Математика Гаусса
Всё это видела въявь, а не грезила.
Это не мистика, не публицистика,
Это - поэзия!

1964

Вариант 2. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа **В. Набокова** «Пасхальный дождь», обращая внимание на следующие аспекты: Каков пафос рассказа? Смысл заглавия рассказа? Как раскрывается мотив чуда? Пространственно-временная организация текста. Смысл финала?

Владимир Владимирович Набоков (1899-1977) - великолепный стилист, мастер метафоры и художественной формы. Он едва ли не последний писатель XX столетия, сумевший с помощью виртуозной словесной эквилибристики сохранить непрозрачность текста, зашифрованной и глубоко запрятанной тайны.

В этот день одинокая и старая швейцарка, Жозефина Львовна, как именовали ее в русской семье, где прожила она некогда двенадцать лет, — купила полдюжины яиц, черную кисть и две пурпурных пуговицы акварели. В этот день цвели яблони, и реклама кинематографа на углу отражалась вверх ногами в гладкой луже, и утром горы за озером Лемана были подернуты сплошной шелковистой дымкой, подобной полупрозрачной бумаге, которой покрываются офорты в дорогих книгах. Дымка обещала погожий день, но солнце только скользнуло по крышам косых каменных домишек, по мокрым проволокам игрушечного трамвая, и снова растаяло в туманах; день выдался тихий, по-весеннему облачный, а к вечеру пахло с гор тяжелым ледяным ветром, и Жозефина, шедшая к себе домой, так закашлялась, что в дверях пошатнулась, побагровела, оперлась на свой туго спеленутый зонтик, узкий, как черная трость.

В комнате уже было темно. Когда она зажгла лампу, осветились ее руки, худые, обтянутые глянцевитой кожей, в старческих веснушках, с белыми пятнышками на ногтях.

Жозефина разложила на столе свои покупки, сбросила пальто и шляпу на постель, налила воды в стакан и, надев пенсне с черными ободками, — от которых темно-серые глаза ее стали строгими под густыми, траурными бровями, сросшимися на переносице, —

принялась красить яйца. Но оказалось, что акварельный кармин почему-то не пристает, надо было, пожалуй, купить какой-нибудь химической краски, да она не знала, как спрашивать, постеснялась объяснить. Подумала: не пойти ли к знакомому аптекарю, — заодно достала бы аспирину. Тело было так вяло, от жара ныли глазные яблоки; хотелось тихо сидеть, тихо думать. Сегодня у русских страстная суббота.

Когда-то на Невском проспекте оборванцы продавали особого рода щипцы. Этими щипцами было так удобно захватить и вынуть яйцо из горячей темно-синей или оранжевой жидкости. Но были также и деревянные ложки; легко и плотно постукивали о толстое стекло стаканов, в которыхпряно дымилась краска. Яйца потом сохли по кучкам — красные с красными, зеленые с зелеными. И еще иначе расцвечивали их: туго обертывали в тряпочки, подложив бумажку декалькомани, похожую на образцы обоев. И после варки, когда лакей приносил обратно из кухни громадную кастрюлю, так занятно было распутывать нитки, вынимать рябые, мраморные яйца из влажных, теплых тряпок; от них шел нежный пар, детский запах.

Странно было старой швейцарке вспоминать, что, живя в России, она тосковала, посылала на родину, друзьям, длинные, меланхолические, прекрасно написанные письма о том, что она всегда чувствует себя лишней, непонятой. Ежедневно после завтрака ездил она кататься с воспитанницей Элен в широком открытом ландо; и рядом с толстым задом кучера, похожим на исполинскую синюю тыкву, сутулилась спина старика-выездного, — золотые пуговицы, кокарда. И из русских слов она только и знала что: кутчер, тиш-тиш, нитчего...

Петербург покинула она со смутным облегчением, — как только началась война. Ей казалось, что теперь она без конца будет наслаждаться болтовней вечерних друзей, уютom родного городка. А вышло как раз наоборот: настоящая ее жизнь — то есть та часть жизни, когда человек острее и глубже всего привыкает к вещам и к людям, — протекла там, в России, которую она бессознательно полюбила, поняла и где нынче Бог весть что творится... А завтра — православная Пасха.

Жозефина Львовна шумно вздохнула, встала, прикрыла плотнее оконницу. Посмотрела на часы, — черные, на никелевой цепочке. Надо было все-таки что-нибудь сделать с яйцами этими: она предназначила их в подарок Платоновым, пожилой русской чете, недавно осевшей в Лозанне, в родном и чуждом ей городке, где трудно дышать, где дома построены случайно, вповалку, вкривь и вкось вдоль крутых угловатых улочек.

Она задумалась, слушая гул в ушах, потом встрепенулась, налила в жестяную банку пузырек лиловых чернил и осторожно опустила туда яйцо.

Дверь тихо отворилась. Вошла, как мышь, соседка, м-ль Финар — тоже бывшая гувернантка, — маленькая, худенькая, с подстриженными, сплошь серебряными волосами, закутанная в черный платок, отливающий стеклярусом. Жозефина, услыша ее мышиные шажки, неловко прикрыла газетой банку, яйца, что сохли на промокательной бумаге:

— Что вам нужно? Я не люблю, когда входят ко мне так...

М-ль Финар боком взглянула на взволнованное лицо Жозефины, ничего не сказала, но страшно обиделась и молча, все той же мелкой походкой, вышла из комнаты.

Яйца были теперь ядовито-фиолетового цвета. На одном — непокрашенном — она решила начертить две пасхальных буквы, как это всегда делалось в России. Первую букву “Х” написала хорошо, — но вторую никак не могла правильно вспомнить, и в конце концов вышло у нее вместо “В” нелепое кривое “Я”. Когда чернила совсем высохли, она завернула яйца в мягкую туалетную бумагу и вложила их в кожаную свою сумку.

Но какая мучительная вялость... Хотелось лечь в постель, выпить горячего кофе, вытянуть ноги... Знобило, колело веки... И когда она вышла на улицу, снова сухой треск кашля подступил к горлу. На дворе было пустынно, сыро и темно. Платоновы жили неподалеку. Они сидели за чайным столом, и Платонов, плешивый, с жидкой бородкой, в саржевой рубаше с косым воротом, набивал в гильзы желтый табак, — когда, стукнув в дверь набалдашником зонтика, вошла Жозефина Львовна.

— А, добрый вечер, Mademoiselle...

Она под села к ним, безвкусно и многословно заговорила о том, что завтра — русская Пасха. Вынула по одному фиолетовые яйца из сумки. Платонов заметил то, на котором лиловели буквы “Х. Я.”, и рассмеялся.

— Что это она еврейские инициалы закатила...

Жена его, полная дама со скорбными глазами, в желтом парике, вскользь улыбнулась; равнодушно стала благодарить, растягивая французские гласные. Жозефина не поняла, почему засмеялись. Ей стало жарко и грустно. Опять заговорила; чувствовала, что говорит совсем не то, — но не могла остановиться:

— Да, в этот момент в России нет Пасхи... Это бедная Россия. О, я помню, как целовались на улицах. И моя маленькая Элен была в этот день как ангел... О, я по целым ночам плачу, когда думаю о вашей прекрасной родине...

Платоновым было всегда неприятно от этих разговоров. Как разорившиеся богачи скрывают нищету свою, становятся еще горделивее, неприступнее, так и они никогда не толковали с посторонними о потерянной родине, и потому Жозефина считала втайне, что они России не любят вовсе. Обычно, когда она приходила к ним, ей казалось, что вот

начнет она говорить со слезами на глазах об этой прекрасной России, и вдруг Платоновы расплачутся и станут тоже вспоминать, рассказывать, и будут они так сидеть втроем всю ночь, вспоминая и плача, и пожимая друг другу руки.

А на самом деле этого не случилось никогда... Платонов вежливо и безучастно кивал бородкой, — а жена его все норовила расспросить, где подешевле можно достать чаю, мыла.

Платонов принялся вновь набивать папиросы; жена его ровно раскладывала их в картонной коробке. Оба они рассчитывали прилечь до того, как пойти к заутрене — в греческую церковь за углом... Хотелось молчать, думать о своем, говорить одними взглядами, особыми, словно рассеянными улыбками, о сыне, убитом в Крыму, о пасхальных мелочах, о домово́й церкви на Почтамтской, а тут эта болтливая сентиментальная старуха с тревожными темно-серыми глазами, пришла, вздыхает, и так будет сидеть до того времени, пока они сами не выйдут из дому.

Жозефина замолкла: жадно мечтала о том, что, быть может, ее пригласят тоже пойти в церковь, а после — разговляться. Знала, что накануне Платоновы пекли куличи, и хотя есть она, конечно, не могла, слишком знобило, — но все равно, — было бы хорошо, тепло, празднично.

Платонов скрипнул зубами, сдерживая зевок, и украдкой взглянул себе на кисть, на циферблат под решеточкой. Жозефина поняла, что ее не позовут. Встала.

— Вам нужно немного отдыха, мои добрые друзья. Но до того, как уйти, я хочу вам сказать...

И, близко подойдя к Платонову, который встал тоже, — она звонко и фальшиво воскликнула:

— Крестосе Воскресе.

Это была ее последняя надежда вызвать взрыв горячих сладких слез, пасхальных поцелуев, приглашенья разговеться вместе... Но Платонов только расправил плечи и спокойно засмеялся.

— Ну вот видите, Mademoiselle, вы прекрасно произносите по-русски...

Выйдя на улицу, она разрыдалась — и шла, прижимая платок к глазам, слегка пошатываясь и постукивая по панели шелковой тростью зонтика. Небо было глубоко и тревожно: смутная луна, тучи, как развалины. У освещенного кинематографа отражались в луже вывернутые ступни курчавого Чаплина. А когда Жозефина проходила под шумящими, плачущими деревьями вдоль озера, подобного стене тумана, то увидела: на краю небольшого мола жидко светится изумрудный фонарь, а в черную шляпку, что хлюпала внизу, влезает что-то большое, белое... Присмотрелась сквозь слезы: громадный

старый лебедь топорщился, бил крылом, и вот, неуклюжий, как гусь, тяжело перевалился через борт; шлюпка закачалась, зеленые круги хлынули по черной маслянистой воде, переходящей в туман.

Жозефина подумала — не пойти ли все-таки в церковь? Но так случилось, что в Петербурге она только бывала в красной кирке, в конце Морской улицы, и теперь в православный храм войти было совестно, не знала, когда креститься, как складывать пальцы, — могли сделать замечание. Прохватывал озноб. В голове путались шелесты, чмокание деревьев, черные тучи, — и воспоминания пасхальные — горы разноцветных яиц, смуглый блеск Исаакия... Туманная, оглушенная, она кое-как дотащилась до дому, поднялась по лестнице, стучаясь плечом о стену, — и потом, шатаясь, отбивая зубами дробь, стала раздеваться, ослабела — и с блаженной, изумленной улыбкой повалилась на постель. Бред, бурный, могучий, как колокольное дыхание, овладел ею. Горы разноцветных яиц рассыпались с круглым чоканьем; не то солнце, не то баран из сливочного масла, с золотыми рогами, ввалился через окно и стал расти, жаркой желтизной заполнил всю комнату. А яйца взбегали, скатывались по блестящим дощечкам, стучались, трескалась скорлупа, — и на белке были малиновые подтеки...

Так пробредила она всю ночь, и только утром еще обиженная м-ль Финар вошла к ней — и ахнула, всполошилась, побежала за доктором:

— Крупозное воспаление в легком, Mademoiselle.

Сквозь волны бреда мелькали: цветы обоев, серебряные волосы старушки, спокойные глаза доктора, — мелькали и расплывались, — и снова взволнованный гул счастья обдавал душу, сказочно синело небо, как гигантское крашеное яйцо, бухали колокола и входил кто-то, похожий не то на Платонова, не то на отца Элен, — и, входя, развертывал газету, клал ее на стол, а сам садился поодаль — и поглядывал то на Жозефину, то на белые листы, со значительной, скромной, слегка лукавой улыбкой. И Жозефина знала, что там, в этой газете, какая-то дивная весть, но не могла, не умела разобрать черный заголовок, русские буквы, — а гость все улыбался и поглядывал значительно, и казалось, что вот-вот он откроет ей тайну, утвердит счастье, что предчувствовала она, — но медленно таял человек, наплывало беспмятство — черная туча...

И потом опять запестрели бредовые сны, катилось ландо по набережной, Элен лакала с деревянной ложки горячую яркую краску, и широко сияла Нева, и Царь Петр вдруг спрыгнул с медного коня, разом опустившего оба копыта, и подошел к Жозефине, с улыбкой на бурном, зеленом лице, обнял ее, — поцеловал в одну щеку, в другую, и губы

были нежные, теплые, — и когда в третий раз он коснулся ее щеки, она со стоном счастья забила, раскинула руки — и вдруг затихла.

Рано утром, на шестой день болезни, после кризиса, Жозефина Львовна очнулась. В окне светло мерцало белое небо, шел отвесный дождь, шелестел, журчал по желобам.

Мокрая ветка тянулась вдоль стекла, и лист на самом конце все вздрагивал под дождевыми ударами, нагибался, ронял с зеленого острия крупную каплю, вздрагивал опять, и опять скатывался влажный луч, свисала длинная, светлая серьга, падала...

И Жозефине казалось, что дождевая прохлада течет по ее жилам, она не могла оторвать глаза от струящегося неба — и дышащий, млеющий дождь был так приятен, так умирительно вздрагивал лист, что захотелось ей смеяться, — смех наполнил ее, — но еще был беззвучным, переливался по телу, щекотал небо — вот-вот вырвется сейчас...

Что-то зацарапало и вздохнуло, слева, в углу комнаты... Вся дрожь от смеха, растущего в ней, она отвела глаза от окна, повернула лицо: на полу ничком лежала старушка в черном платке, серебристые подстриженные волосы сердито тряслись, она ерзала, совала руку под шкаф, куда закатился клубок шерсти. Черная нить ползла из-под шкафа к стулу, где остались спицы и недовязанный чулок.

И, увидя черную спину м-ль Финар, ерзающие ноги, сапожки на пуговицах, — Жозефина выпустила прорывающийся смех, затряслась, воркуя и задыхаясь, под пуховиком своим, чувствуя, что воскресла, что вернулась издалека, из тумана счастья, чудес, пасхального великолетия.

1924 г.

Критерии оценивания аналитического задания

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 15 – 20 (шкала оценок соответствует школьным баллам: 2 – 3 – 4 – 5)

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15 (шкала оценок соответствует школьным баллам: 2 – 3 – 4 – 5)

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10 (шкала оценок соответствует школьным баллам: 2 – 3 – 4 – 5)

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10 (шкала оценок соответствует школьным баллам: 2 – 3 – 4 – 5)

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Задание №2, творческое (20 баллов)

«Круглые даты в жизни известных книг»

Дни рождения отмечают не только писатели, но и книги. Немало книг-юбилеев в 2021 году. У каждой книги свой характер, своя судьба, свой путь к читателю. Созданные много лет назад, они остаются актуальными и в настоящее время, не теряя своей популярности среди читателей.

Выполняя задание, вам необходимо:

1. Записать в бланк ответов в соответствии с буквой слова или сочетания слов, отсутствующие в тексте.

2. Словами описать иллюстрацию для обложки юбилейного издания книги, о которой идёт речь в задании. Обосновать отбор эпизода для иллюстрации, опираясь на текст произведения. Объяснить, какие детали значимы для иллюстрации данного эпизода, на что следует обратить внимание художнику-иллюстратору.

Это произведение открывает великое пятикнижие писателя, оно было опубликовано в журнале **А**___ в **Б** ___ году в одном номере с романом Л.Н. Толстого «1805 год». В обоих произведениях в центре внимания оказывается одно и то же историческое лицо (*назовите это имя*) **В**___.

Действие произведения разворачивается в городе **Г** _____ в **Д** _____ месяце, во время правления (*имя русского царя*) **Е**___, когда многие молодые умы захватила идея **Ж** _____.

В эпилоге герой оказывается в (*географическое название*) **З** _____. Это место герой сравнивает с веком **И** _____. Назовите это произведение и его автора **К** _____.

Критерии оценивания:

1. Убедительно обоснованная иллюстрация для обложки книги-юбилея с опорой на конкретный эпизод литературного произведения – до 3 баллов.
2. Точность характеристики деталей иллюстрации в их соотнесённости с подробностями из литературного текста – до 3 баллов.
3. Фактическая точность предложенных деталей (верно названные имена героев, место действия, детали культурно-исторического фона и т.п.) – до 2 баллов.
4. Логичность, речевая грамотность текста – до 2 баллов.
5. Каждый верный ответ под указанной буквой оценивается 1 баллом (всего 10 баллов)

